Том № 268 ноябрь 1999

ПОТАНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Название блока публикуемых статей и материалов не имеет отношения к Потанинским чтениям (конференциям), проходившим в Томске в 1990 и 1995 гг. Оно выражает наше пристальное внимание к творчеству и жизни крупнейшего сибирского ученого и общественного деятеля Григория Николаевича Потанина, ибо его культурологические изыскания и публицистика остаются на удивление актуальными по сей день. Время Потанина не истекло не потому, что прошло не так уж много лет (бодрый и остроумный современник Потанина Б.Ф. Зобнин, выступавший на чтениях 1990 г. с воспоминаниями о Григории Николаевиче – они опубликованы в «Вестнике ТГУ» № 266 в январе 1998 г. – своим появлением вызвал в аудитории шок), а потому, что понимание старых – но не ушедших! – проблем необходимо для того, чтобы установить генезис сегодняшних социальных болезней. Очередной блок «Потанинских чтений» – еще и своего рода гомеопатическое лекарство.

Г.Н. Потанин – явление такого порядка, что каждый факт жизни, попадавший в сферу его интересов, уже не может быть упоминаем без учета потанинской оценки. Потанин ощущал токи своей эпохи не менее чутко, чем его друзья и недруги, и в разговоре об его личностном становлении и мировоззрении крайне важно знание человеческих «конъюкций». Герои нынешней подборки «Потанинских чтений» – жена Григория Николаевича АлександраВикторовна Потанина (Лаврская) и его ближайший друг Николай Михайлович Ядринцев. Влияние Потанина на них несомненно, но что мы могли бы в этом понять, если бы не узнали их как живых и столь незаурядных?

УДК 94/99

ЗАВЕЩАНИЕ И СМЕРТЬ Н.М. ЯДРИНЦЕВА

Публикация и научный комментарий Н.В. Серебренникова

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 98-04-99947а/т

Подборка «Завещание и смерть Н.М. Ядринцева» проливает свет на обстоятельства смерти крупнейшего в XIX в. сибирского публициста-областника и включает в себя очерк Ядринцева «30-летие сибирского землячества» как своего рода духовное завещание, варианты собственно завещания Ядринцева и письмо П.Г. Сущинского В.И. Семидалову.

После смерти жены в 1888 г. Николаем Михайловичем Ядринцевым овладело душевное беспокойство. Привычная для всех доброжелательность стала сопровождаться приступами раздражительности. Он менял занятия, «как больной переменяет койки, думая, что на другой будет легче» [1], и загонял себя в нескончаемую работу. Летом 1889 г. с небольшой экспедицией он двинулся в Монголию и нашел два города – уйгурскую столицу Хара Балагасун и столицу Чингиз-хана Каракорум, открытие по удивительности сравнимое с открытием Трои. Однако неудовлетворенность собой заставляла крупнейшего сибирского публициста трудиться и трудиться – не только за письменным столом, но выкладываясь и во всевозможных общественных делах, особенно в борьбе с эпидемией в Западной Сибири (1891), в постоянной помощи переселенцам. Зарубежные поездки – во Францию (1890) и США (1893), новая экспедиция в Монголию (1891) – и многочисленные разъезды по стране отчасти позволяли отвлечься, но неизбывная тоска подавляла Ядринцева всё больше. Его письма к ближайшему другу последних лет В.И. Семидалову полнятся жалобами на здоровье и «тяжелое [психическое] настроение», их обычный рефрен: «Я не вижу ничего светлого в будущем» [2]. Несчастная любовь к А.С. Боголюбской довершила цепь труднорешаемых проблем.

12 октября 1893 г. Ядринцев сообщил В.И. Семидалову о написании очерка «30-летие петербургского студенческого землячества» (название позже изменилось): «Я приготовил воспоминания, написано горячо, пламенно, давно я так не писал. Но целая патриотическая исповедь. Целое *завещание*» [3]. Полный «восторженных фраз <...> панегиристический тон» сочинений о Сибири, снисходительно отмеченный Ядринцевым у писателей первой половины XIX в., проник и в его собственное произведение: довольно взглянуть на торжественный финал с давно привычным «восхищением природой, обширностью страны», и совсем довершает это впечатление чуть сбивчивый слог, напоминающий устную речь, но законы жанра соблюдены. Ощущая скорую смерть и надеясь на молодежь, Ядринцев хотел передать юному поколению патетические чувства, которые за тридцать лет перед тем вдохновляли его и его соратников на борьбу за великую будущность Сибири. Увы, страна, которую Ядринцеву мечталось видеть новыми Соединенными Штатами, духовно состоятельной и экономически самостоятельной, Сибирь в геополитическом плане и доныне рассматривается как сырьевой придаток западной цивилизации, так что публицистическое «*завещание*» Ядринцева не утеряло значения и свыше ста лет спустя.

К собственно завещанию Ядринцев приступал по меньшей мере трижды – в апреле 1894 г. (этот текст, написанный синими чернилами, представлен здесь как 1-й вариант), а потом, вероятно, непосредственно перед отъездом в Сибирь – в конце апреля или в самом начале мая, оставив на обороте листа пометку на память: «Лекарство в склянку на ночь и утром». Этот текст, приводимый тут как 2-й вариант, написан черными чернилами и подвергнут торопливой правке карандашом, особенности которой при публикации сохранены; карандашом написано и обширное окончание – начиная со слов «с право<м> издателей». Канонический текст нам не известен.

Ядринцев отбыл в Сибирь как заведующий статистико-экономическими исследованиями крестьянского и инородческого населения в Алтайском горном округе. В последние дни мая 1894 г. он побывал в Томске и направился в Барнаул, где 7 июня оборвалась в 51 год его бурная и творчески богатая жизнь. Причины и повод к его смерти для многих не были секретом, «известие, что он отравился и сделал это преднамеренно» [4] тоже не осталось тайной, однако широкая общественность ничего об этом не узнала, ибо «решили, что лучше не разглашать в то время всех условий кончины Николая Михайловича, а сообщить, что отравление было случайным, что он по ошибке принял большую дозу опия вместо другого лекарства» [5, С. 381]. С 1922 г. известен пересказ (не вполне точный) того, что говорил П.Г. Сущинский, свидетель кончины Ядринцева [5, С. 380], но мифологема о смерти случайной оказалась чрезвычайно устойчивой и держится в литературе до сих пор. Письмо П.Г. Сущинского В.И. Семидалову дает полное представление о том, как произошла трагедия.

Публикация сделана по материалам Томского государственного объединенного историко-архитектурного (краеведческого) музея (ТОКМ), оп. 14. Очерк «30-летие сибирского землячества» печатается по авторизованной копии, где Ядринцевым вписаны второй и два последних абзаца: ед. хр. 24. Л. 19–22. Завещание: там же. Л. 64–66 об. Письмо П.Г. Сущинского: ед. хр. 21. Л. 3–6 об. Квадратными скобками отмечено зачеркнутое в подлиннике, угловыми даны конъектуры публикатора.

ИСТОЧНИКИ

1. Томский государственный объединенный историко-архитектурный (краеведческий) музей (ТОКМ). Оп. 14. Ед. хр. 23. Л. 43.
2. Там же. Л. 27 об, 20 об.
3. Там же. Ед. хр. 25. Л. 129.
4. *Потанин Г. Н.* Письма. Т. 4. Иркутск, 1990. С. 262.
5. *Швецов С.* Тени прошлого // Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980. С. 381.

Н.М. Ядринцев

30-ЛЕТИЕ СИБИРСКОГО ЗЕМЛЯЧЕСТВА

1861 и 62 годы должны быть отмечены как годы возникновения в столицах первых земляческих кружков и в том числе сибирского[1]. До этого времени сибиряки, являясь в русские университеты, преимущественно в Казанский, не имели ничего сплоченного. Правда, они сходились, чувствовали инстинктивно близость; в Казани, кажется, была касса и библиотека сибиряков, но это было случайно и сами участвующие не отдавали себе отчета, что их связывало. В Петербурге и Москве мало было сибиряков: часть наиболее даровитых всегда оставалась в столицах и университетских городах; появлялись уже из сибиряков профессора, как Чигунов, Менделеев, Корсак, Щапов, Кремлев[2], но у них не было никакого проявления тяготения к Сибири, никакого размышления о судьбе этой страны. Мечтания Ершова и ранее Словцова историка[3], у которых видны первые признаки патриотизма, не шли дальше восторженных фраз и стремлений к панегирику. Первый патриотизм обыкновенно выражается восхищением природой, обширностью страны, подвигами завоевателей, будущность рисуется в неопределенном тумане. Такой напыщенный панегиристический тон господствовал и у многих писателей 40-х годов, как напр. у Александрова (см. его путешествие в Иркутск и программу журнала)[4], но он проник и к поэтам Озерову, даже Державину[5].

Богатая Сибирь наклонилась над столами.

Собственно Сибирь в это время была русской национальной гордостью и представлялась в воображении обширным, богатым царством, изобильным соболями, с пестрой толпой промышленных народов. На самом же деле это была, как показывает история, весьма пустынная и забытая страна с подавленным воеводским произволом населением и с разоренными вымирающими инородцами. После восторженных восхвалений «богатой Сибири», Индии и Мехике вдруг последовало разжалованье. Русская публицистика в лице Герсеванова взялась разоблачить Сибирь из ее царской мантии и доказала, что эта окраина не дает никаких государству доходов, по своим природным условиям не имеет никакой будущности и требует только бесчис-ленных трат[6]. Сперанский[7], уезжая в Сибирь, точно так же хотел идеализировать эту страну и создать ей новые перспективы, но, явившись и натолкнувшись на массу злоупотреблений и на сонное общество, занятое наживой, разочаровался. Ясно, в тогдашней Сибири не было ничего, что бы дало почву для гражданских стремлений и идеалов. Сибиряки были совершенно равнодушны и к панегирикам, и к разоблачениям, и их можно было рядить и в рогожу и дерюгу. Ни самолюбия, ни чувства обиды в них не пробуждалось. Университанты сибиряки, до 60-х годов уезжавшие в Сибирь, не приносили ничего в общество и исчезали, расплываясь в aqua tofana[8] местной болотной среды. Первые проблески патриотического зазнания, первые стремления и наклонность к сплочению, первые искры гражданского чувства появились в 61–62 году у сибирского земля-чества в Петербурге. Это совпало с общим оживлением, с возрожденной жизнью университетов[9], с общим толчком умственной жизни в России, с теми ожиданиями на лучшее будущее, которые охватили русское общество. Под влиянием этого настроения приехали в Сибирь в 60-х годах некоторые студенты и в том числе Щукин, их восторженные рассказы о новой жизни, о студенческой среде вызвали многих из сибирских гимназий в университеты[10]. Молодые сибиряки полетели как бабочки к свету. Первый кружок сибиряков сформировался из сибиряков, прибывших учиться в университет, и из студентов, прибывших из Казанского университета с упразднением реального факультета. К студентам присоединились сибиряки из медицинской военной академии, художники академии художеств, некоторые ученики ду-ховной академии и даже кадеты из горного института и академии Генерального Штаба. Организаторы первых собраний собирали тщательно сведения обо всех сибиряках, находившихся в учебных заведениях; присоединялись не только бывшие в учебных заведениях, но и окончившие курс уже[11], не забывшие свое родство с краем, выказывавшие чем-либо свои патриотические наклонности. Первое собрание земляков студентов по инициативе Г.Н. Потанина[12] собрано было у одного художника[13] в здании академии художеств, на нем участвовали и не сибиряки. Здесь прежде всего был зарешён вопрос при общем единодушии продолжать сибирские сходки и собрания, второе – чтобы на этих собраниях были исключительно сибиряки. Первые собрания были очень оживленные, шумные сибиряки-юноши доселе разобщенные как бы обрадовались сближению и соединению в одну семью. Других вопросов пока не было: соединиться, сбираться, сбираться! – только один возглас и слышался, и затем охватывало уже всех юношески восторженное состояние, – следовали тосты. – За Сибирь! За дорогую Сибирь! За родину! За соединение! За сибиряков. Вырывавшееся стремление соединиться и сойтись было как будто на душе у каждого, и самый факт этот приводил уже в восхищение. В этой среде из людей, которые мало знали друг друга, уроженцев из разных концов Сибири выразилось что-то «братское» и родственно-кровное. Молодые сибиряки сразу обнаружили ту силу родства и сцепления, которые обнаруживаются только в кусочках железа под влиянием магнита или в химических реакциях, где под влиянием известного реактива все атомы моментально сцепляются. Присутствующие сибиряки на сходах изумлялись этому быстрому сближению, этой горячности, жару чувства, который невольно безыскусственно обнаружился здесь, и были несколько обижены только тем, что сибиряки, отдавшись своему чувству и идее сближения, забыли, выключая всех других, что у них были гости, да и сами они находились в гостях в квартире художника несибиряка. Сейчас же сформировался известный фонд-складчина, чтобы продолжать сходки и сопровождать их чаем, пивом и угощением. Далее организаторы и участ-

ники сходок, как мы сказали, положили разыскивать сибиряков и приглашать на собрания. На сходках появлялись и не одни студенты: Федоров-Омулевский[14] не был студентом, являлся на сходки и некто Кузьма Николаев – тобольский мещанин, служивший по промышленным делам на Печоре у известного деятеля Сидорова, он был знаком с сибирскими студентами и занят был проектом соединения Печоры с Обью[15]. Наконец отыскали старого сибиряка, окончившего уже курс на математическом факультете – Сидорова – из сибирских казаков томича уроженца[16]. Это был человек замечательных способностей, но неудачник. Он повздорил при получении диплома в университете и по неуживчивости не получил места. Сильный ум, сильный характер, но больной до раздражительности этот человек унывал и тосковал. Любимую его идею, идею fix составлял сибирский университет, он был фанатик в этом вопросе. Вызванный на сходки он явился явным пропагандистом. Помню, как восторженно была принята мысль о сибирском университете студентами; горизонты сибирской будущности пред нами начали уже выясняться. Помним и другие поднимавшиеся во-просы: о необходимости газет, местной печати, сборников, календарей, о насаждении школ, об образовании общества грамотности и т.п. Затем в этом же кружке постоянно высказывалась и зрела идея о возвращении в Сибирь и служении ей. Эта мысль также овладела сердцами и была принята с восхищением. Вооружиться знанием и возвратиться – ехать служить своей родине! – являлось в глазах публики высоким гражданским подвигом, который не мог не найти отклика в благородных сердцах, в идеальных стремлениях юношей. Ведь их мать была покинутая, бедная, обиженная, оскорбленная, попираемая – разве сын забудет ее, разве он не должен возвратиться к ней! Гражданские идеалы, задачи, стремления теперь уже яснее выступали и начертывались; и в юношеских грезах, в юношеской пыл-кой фантазии появилась целая будущность, будущность богатой страны пустынной и заселенной, снабженной промышленностью, наделенной просвещением, создавшей университеты, технические школы, соединившей реки каналами, степи железными дорогами подобно Америке, выдвинувшей могучих деятелей, представителей своего гения, страны цивилизации и свободы. Эта могучая природа, эти синеющие красивые вершины гор, эти леса бесконечные, как волны моря, этот простор полей, где могут селиться мильоны народа обделенного и обиженного в других местах, эта ширь рек и бесконечное их протяжение, их потоки, несущиеся в моря, это побережье, за которым океанический простор открывает берега Америки, Японии, Китая, суля с ними сношение, разве все это мало, чтобы развернуть силы, мощь, создать будущность, славу этой земле. И вот это будущее, поднимая дух, заставляло чувствовать гордость, искриться глаза, биться сердца и замирать дух от сладкого предчувствия. В это время мы полюбили ее, но уже не убогую, не забитую, а гордую, царственную и прекрасную, какою она представлялась нам в грядущем. Мы полюбили ее за всё и за ее прожитые несчастия, потому что первые поняли, как она была несчастна, и полюбили ее, в будущем поклявшись всё сделать, чтобы она была счастлива. Наши восторги, благословения и молитвы были первыми молитвами детей возвращенных своей родине. По мере сознательного пробуждения идей о нашей родине, по мере сознания наших гражданских обязанностей, выяснения идеала будущего, связь наша стала крепче. Мы теперь не стыдились, а произносили уже с достоинством слово «сибиряк», мы хотели именоваться везде и всюду «сибиряками», потому что это послужило нашим лозунгом. Мы не обижались теперь насмешек над нашею страною, потому что носили скрытую гордость и решимость сделать ее лучшею.

Страна ссылки, изгнанья, позора, страна отверженная, она стала теперь для нас дорогою страною. В первый раз в этом земляческо<м> кружке это слово Сибир<ь> было произнесено с нежностью; с трепе<т>ною сыновнею любовью.

Таким образом пробуждение любви к родине было результатом первого сближения. Эта любовь цементировала нашу связь.

Комментарий

1. Возникновение сибирского землячества в Санкт-Петербурге приходится на 1859–1860 гг. Приехав в столицу летом 1860 г., Ядринцев попал в уже сформировавшийся круг единомышленников. Впрочем, о точной датировке автор очерка отнюдь не заботился.
2. Чигунов (правильно: Чугунов) Андрей Кириллович (1827–1898) – технолог. Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) – химик. Корсак Александр Казимирович (1832–1874) – экономист, историк. Щапов Афанасий Прокофьевич (1830–1876) – историк. Кремлев Николай Александрович (1833–1910) – юрист.
3. Ершов Петр Павлович (1815–1869) – поэт. Словцов Петр Андреевич (1767–1843) – автор «Исторического обозрения Сибири» (в 2 т. – 1838, 1844).
4. Александров Матвей Александрович (1798–1860) – поэт. Имеются в виду записки «Воздушный тарантас, или Воспоминания о поездке по Восточной Сибири. Иркутск (лето 1827 года)» (написаны в 1849 г., – см.: Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1875).
5. Озеров Владислав Александрович (1769–1816) – драматург; Державин Гавриил Романович (1843–1816) – поэт. Ядринцев выделяет их как наиболее талантливых поэтов рубежа XVIII–XIX веков.
6. Герсеванов Николай Борисович (1809–1871), – публицист. Имеется в виду статья «Замечания о торговых отношениях Сибири к России» [Отечеств. записки. 1841. № 2], вызвавшая «Возражения...» А.А. Мордвинова (Там же. 1842. № 8), на которые Герсеванов там же дал «Ответ...»; точку в полемике попытался поставить П. Кирилов (Заметки о Сибири // Там же. № 12).
7. Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – в 1819–1821 гг. генерал-губернатор Сибири.
8. Ядовитая вода (лат.).
9. В 1855 г. в университетах был отменен генерал-губернаторский надзор, разрешен прием студентов в неограниченном количестве (с 1857 г. даже с домашним образованием), стали восстанавливаться кафедры философии и государственного права.
10. Щукин Николай Семенович (1836–1870) – публицист. В Сибирь из университета вернулся в 1859 г. Говоря о порыве из гимназии в университет, Ядринцев имеет в виду прежде всего себя.
11. Мною учтены 62 человека, входивших в сибирское землячество или иногда его посещавших, будь то сибиряки или собственно россияне. Впоследствии наибольшую известность получили врач и писатель, редактор эмигрантской газеты «Общее дело» Н.А. Белоголовый, этнограф Ч.Ч. Валиханов, карикатурист из «Искры» и писатель М.С. Знаменский, писатели И.А. Кущевский и Н.И. Наумов, писатель и редактор «Детского чтения» и «Мира Божьего» В.П. Острогорский, писатель Л.Ф. Пантелеев, художник М.И. Песков, этнограф и географ Э.Ю. Петри, Г.Н. Потанин (см. прим. 12), И.В. Федоров-Омулевский (см. прим. 14), фольклорист И.А. Худяков, историк С.С. Шашков, художник И.И. Шишкин, Н.С. Щукин (см. прим. 10), Ядринцев.
12. Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) – гуманитарий и естествовед широкого профиля, первый «президент» Сибири (1917).
13. Имеется в виду пейзажист Джогин Павел Петрович (1834–1885). Комментаторы «Писем Г. Н. Потанина» (Т. 1. Иркутск, 1987. С. 203) называют его сибиряком, каковым он не был – см.: *Ядринцев Н.М.* Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 4. Новосибирск, 1979. С. 299. Это собрание не было первым (см. там же. С. 301).

14. Федоров-Омулевский Иннокентий Васильевич (1836–1883) – писатель.
15. Николаев Кузьма Николаевич – комментаторы «Писем Г.Н. Потанина» (Т. 1. С. 253) ошибочно сочли его политическим ссыльным в Архангельской губернии. Сидоров Михаил Константинович (1823–1887) – золотопромышленник, вкладывавший средства в освоение Севера и Сибири.
16. Математик Сидоров родился в Кузнецке Томской губернии – организатор сибирского кружка – в феврале 1859 г. поссорился с Н.С. Щукиным и не появлялся среди земляков, пока деятельность землячества не возобновилась по инициативе Г.Н. Потанина.

Н. М. Ядринцев

<ЗАВЕЩАНИЕ>

<1 вариант>

Апреля <пропуск> дня 1894 г. я нижеподписавшийся Николай Михайлович Ядринцев в виду [преклонных лет моих и часто болезненного состояния] приблизившейся старости желаю оставить следующее духовное завещание находясь в здравом уме и твердой памяти.

[Издаваемую мною газету]

Душеприказчиками моими для распоряжения моим имуществом я желаю оставить отставного сотника [Пота<нина>] Григория Николаевича Потанина, Кандидата естественных наук Якова Антоновича Макерова и врача Вениамина Ивановича Семидалова[1]. В полное распоряжение их я предоставляю газету Восточное Обозрение, которой я состою издателем[2].

<2 вариант>

Сочинения мои и право на издание книг «Сибирь как Колония», «Русская Община в Тюрьме и Ссылке» и Сибирские Инородцы[3] после того как разойдутся издания эти предоставляю в полную собственность <пропуск> при чем прибавляю что «Сибирь как Колония» второе издание принадлежит Г<-ну> Сибирякову[4] а первое издание «Община в Тюрьме и Ссылке» принадлежало издателю Шигину и ныне разошлось; а потому подлежит новому изданию.

Я нижепод<писавшийся> в полн<ом> уме и пам<яти>

Издаваемую мною газету Восточное Обозрение в городе Иркутске с приложениями передаю [в полную собственность] в случа<е> мо<ей> сме<рти> пер<е>да<ю> в полное распоряже<ние> отст<авному> сотнику Потанину Кандидату [пр] естественных наук [Якову Антоновичу Макерову] *и* врачу Вениамину Ивановичу Семидалову[5] предоставляя им выделять детям моим [Ни<колаю>] Льву и Николаю Ядринцевым [на воспитание их из] доходов [газеты сколько будет возможно.] с право<м> издателей [и полны<м> право<м>] распор<яжаться> пос<ледней> как им так и тот кому они пер<е>да-ду<т> газет<у> часть не [мене<е> 600 р<ублей>] сколько выделять будет редакция до [тех] на их [прожитие во<с> питание] и прожитие если буд<ет> <2 нрзб> и <2 нрзб>[6].

При [продаж<е>] передаче газеты в <1 нрзб>[7] [как им] кому-н<ибудь> распоряжени<ю> редак-т<о>ров по их усмотрению предоставляю входит<ь> в соглашен<и>я не наруш<а>я усл<о>вия.

Сочинен<ия> мои [две книги издания <?> 2-е изда<ние>] Сибирь как Колон<и>я [и уступленную>] уступлен<н>ую Г<-ну> Сиби<рякову> во 2-м и<з>д<ании> по продаже этого [второ<го>] изд<а>ния и книгу Русск<а>я Общин<а> в Тюрьме и Ссылке [предоставляю издавать вновь и] как и другие мои произведен<и>я и стихи <?> статьи в журн<алах> и газет<ах> предоставляю издавать с тем чтобы процент 30 % от доходов выделялся детям моим дочер<и> Лидии сыновьям Николаю и Льву по равно<й> части.

Остальные доходы должны поступать на увеличени<е> средств Восточного Обозрения и [м<но-гого> др<угого>] а в случае его прекращен<и>я его, [на] в фонд для издания полезных сочинений о Сибири.

[Библиотеку] Книги мои [в том] в п<режнем> составе в каком она сохранится предоставляю передать в одно из ученых обществ в Сибири по их усмотрению [и в слу<чае> или] и [а] а коллекцию фотографи<й> <1 нрзб> как типогр<афское> как и рисунки.

Бумаги и [вспом<огательные> предоставляю Часть нынеш<них>] воспомо<г>а<тельные> и научны<е> матерьял<ы> предоставляю издавать или передать в [ученое] како<е->ли<бо> ра<с>поря<жение> учено<го> общества.

Комментарий

1. Г.Н. Потанин вышел в отставку из казачьих войск в 1858 г. и, не имея официального звания, считался отставным сотником. Макеров Я. А. (1860–1940) – геолог; во 2-м варианте Ядринцев его вычеркнул, впопыхах оставив слова «Кандидат естественных наук» незачеркнутыми, однако Макеров все-таки стал душеприказчиком Ядринцева. Семидалов В. И. (1865–1917) – психиатр.
2. Газета «Восточное обозрение» издавалась в 1882–1887 гг. в Петербурге, с 1888 г. – в Иркутске. По 1890 г. Ядринцев был ее редактором.
3. «Сибирь как колония» (СПб., 1882; 2-е изд., доп.: СПб, 1892), «Русская община в тюрьме и ссылке» (СПб., 1872), «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (СПб., 1891).
4. Сибиряков Иннокентий Михайлович (1860–1901) – золотопромышленник.
5. Слова «врачу» и «Семидалову» исправлены Ядринцевым с дательного падежа на родительный, что повлекло синтаксическую рассогласованность.
6. Вероятно, здесь содержится просьба позаботиться «о быт<е>« детей.
7. Слово обозначено буквой «д» или даже как «др», и, соответственно, можно предположить прочтение: «в д<олю>« (что вероятней) или «в др<угие руки>«.

П.Г. Сущинский[1] — В.И. Семидалову

Многоуважаемый Вениамин Иванович!

Очень сожалею, что, проезжая через Москву последний раз, не познакомился с Вами. Этому помешало мое короткое пребывание, а затем и то, что голова моя была сильно занята в то время и я был под гнетом самых разнообразных сильных впечатлений.

Как Вам, может быть, известно, Николай Михайлович остался еще в Москве, когда я уехал в Казанскую губернию, чтобы встретить его на пароходной пристани на Каме. Так и случилось. Весь длинный путь по Каме, Уральской ж<елезной> дороге, по Оби Николай Михайлович провел хорошо и ко времени приезда в Томск значительно поправился физически.[2] Как ни близок я был за последнее время к Николаю Михайло-

вичу, но понимать его психическое настроение, его внутренний мир мне было очень трудно тем более, что он имел обыкновение многое не договаривать до конца. Во всяком случае теперь мне стало совершенно ясно многое, чего я не понимал и к чему не мог даже отнестись критически. Содержание Вашего письма, вопросы о Томске и Барнауле заставляют меня догадываться, чего именно Вы от меня хотите услышать. Я скажу Вам всё, что знаю, предоставляя Вам только право так или иначе поступить с настоящим письмом.

Что касается тех идей и задач, которыми жил и воодушевлялся Николай Михайлович, я говорить не буду, так как это Вам известно и вероятно лучше, чем мне. Скажу Вам только наперед, что у человека отдавшего себя общественному служению нельзя отнимать совершенно личных интересов, личной жизни. Вот с этой последней стороны я и должен буду охарактеризовать Николая Михайловича за последнее время его жизни. Во всяком случае буду придерживаться фактической стороны, оставив в стороне свои личные впечатления.

Как сейчас помню, вскоре после того, как Н.М. и я получили приглашение ехать в алтайский горный округ,[3] мы были вместе в одном из петербургских ресторанов и провели там время с 4-х часов дня и до 12 ч<асов> вечера. Много было разговоров на разные темы, но в конце Н.М. очень долго остановился на отношениях между мужчиной и женщиной и говорил, что есть женщины, которые занимаются «флиртом» (кажется, он так выразился). Вскоре после этого он показал мне телеграмму из Томска следующего содержания: «согласна получить место заведующей Барнаульским переселенческим пунктом. Боголюбская».[4] Эту командировку устроил еще Ядринцев в Петербурге, воспользовавшись пребыванием в столице томского губернатора Тобизена.[5] Получивши согласие губернатора, Н.М. немедленно послал телеграмму Боголюбской с уплоченным ответом в 20 слов, но получил ответ из 10 слов. Показывая ответную телеграмму, он жаловался на ее сухость и в то же время сказал, что ни от кого не скрывает своих чувств к Александре Семеновне. – Этот факт я должен поставить в связь с тем, что произошло в Томске и Барнауле. По пути к Томску Н.М. к чему-то готовился, на что-то надеялся и готов был, кажется, зажить новой жизнью. Не суждено, однако, было так случиться. В Томске мы пробыли 3 и<ли> 4 дня; Н.М. часто бывал у Боголюбской и Наумовых.[6] Не смотря на то, что необходимо было спешить в Барнаул, Н.М. медлил; очевидно должно было случиться что-либо роковое и Н.М. окончательно хотел выяснить себе отношение к себе этой странной женщины. Я был только раз с Н.М. у Боголюбской и сказал ей, что передаю ей Н.М., как врачу, с рук на руки; тогда же решено было, что мы едем несколько раньше, а Боголюбская едет вслед за нами через день или два. Н.М. взял с нее слово, что она будет телеграфировать о времени выезда, а Н.М. позаботится о приискании квартиры. На следующий день мы уехали; Н.М. был сумрачен и перед отъездом написал письмо Боголюбской и просил передать. Мы поехали на лошадях по направлению к Барнаулу; с первой же станции Н.М. послал открытое письмо Вам (В.И. Семидалову); на второй станции он потребовал бутылку водки, чего не было в продолжении всей дороги; наоборот, он тщательно следил за собой и не выпил даже рюмки вина за всю дорогу. По мере того, как мы ехали дальше, настроение Н.М. ухудшалось, он делался раздражительнее, одним словом сделался неузнаваем. По приезде в Барнаул Н.М. поселился отдельно от нас (кроме меня с ним ехал еще студент Минаев) и нас поражала некоторая апатия Н.М. к делу и поведение. При свидании с своими прежними знакомыми Н.М. начал сильно выпивать, не щадил себя и говорил о самоубийстве.

Однажды утром все мы собрались у Н.М.; он рад был нас видеть и говорил, что молодежь всегда готов принять у себя в какое угодно время. Не смотря на раннее утро Н.М. был не вполне нормален, видимо выпил порядочно. Вскоре после нашего прихода приехал начальник округа[7] с визитом и с трудом был принят Н.М.; ему видимо тяжело было это свидание. Вскоре ушел начальник, ушли все, кроме меня. Н.М. повел меня в свою комнату, передал мне некоторые бумаги и книги, касающиеся нашего дела, как-то особенно участно ко мне относился, мы решили дружно работать, поддерживать друг друга. Я уверял его, что он видимо совершенно здоров, хорошо выглядит; он был этому очень рад и несколько раз повторил: «так значит я бодр для дела», желая как бы каждый раз подтверждения. Но вдруг неожиданно повернул разговор на другую тему и спросил меня: «игнорировать или нет?» Я не понял его сначала, тогда он пояснил мне, что говорит об Александре Семеновне. Трудно было мне тогда что-либо посоветовать Н.М.; у него пови-димому созрел организованный план. При прощании Н.М. обнял меня и поцеловал. Уходя от него, я твердо решил предупредить Александру Семеновну и посоветовать ей быть осторожнее с Н.М.

На следующий день я был занят на переселенческой станции, прибыла баржа с переселенцами, на ней было много смертных случаев, а в больничке были больные тифом и другими болезнями. На пристани я узнал о приезде Александры Семеновны и тотчас же вместе с фельдшерицей отправился ее разыскивать и по дороге заехал к Н.М. В квартире Н.М. было полное смятение. Хозяин квартиры Сулин[8] объявил мне, что Н.М. умышленно принял большую дозу опия. Я рванулся к нему в комнату и увидел такую сцену: Н.М. поддерживает приглашенный доктор Незвецкий,[9] а Александра Семеновна Боголюбская ложками вливает в рот Н.М. кофе. – Но Николай Михайлович уже почти недвижим, члены ослабели окончательно, дыхание ред-ко, глубокий сон завладевал им навсегда. Конечно бы-ли приняты все меры, предлагаемые нашей медициной, но всё было напрасно. Как узнал я после, Н.М. вначале хотел застрелиться из револьвера, но револьвер у него отобрала Александра Семеновна и отдала хозяевам квартиры; тогда, как говорила Александра Семеновна, он ушел в другую комнату, затем возвратился назад и объявил, что часы его жизни сочтены, так как им принята большая доза опия.

Тяжело вспоминать об этом, тяжело и Вам будет читать написанное мною, поэтому не буду больше распространяться и описывать всего происшедшего, довольно того, что написал. Осенью или зимой я думаю быть в Москве, тогда передам Вам все детали происшедшего.

Вещи Ядринцева я счел нужным немедленно послать Вам через Головачева[10] за исключением книг, имевших отношение к нашему делу. Книги эти посылаю теперь. Может быть Вы найдете возможным книги эти вернуть в Барнаул для передачи в общество любителей исследования Алтая. Деньги тоже будут посланы Вам или Надежде Федоровне Ржавской[11]. 500 р<ублей>, недополученных Н.М. в управлении, будут пересланы через окружный суд.

Известный Вам Петр Сущинский.

15 июля 1894 г.

Если не удовлетворит Вас это письмо, то напишите и я постараюсь немедленно ответить Вам.

Не будете ли любезны передать Ивановскому[12], что-бы он переслал деньги, следуемые за венок от московского антропологического общества.

Комментарий

1. Сущинский Петр Гаврилович – врач; сотрудничал с Ядринцевым с 1891 г. как начальник одного из отрядов по борьбе с эпидемией.
2. 10 мая 1894 г. Ядринцев выехал пароходом из Нижнего Новгорода и 13 был в Перми, откуда железной дорогой добрался до Тюмени, 16 – до Тобольска и 17 речным путем выбыл в Томск, миновав Нарым 23 – см. ед. хр. 23. Л. 36, 38, 40.
3. Приглашение возглавить в Барнауле статистическое бюро Ядринцев получил в феврале 1894 г.
4. А. С. Боголюбская получила место врача в переселенческом пункте села Повалиха в 20 верстах от Барнаула.
5. Тобизен Георгий Августович (?–1917) – томский губернатор в 1890–1896 гг., тайный советник, гофмейстер.
6. Наумовы Николай Иванович (1838–1901) – писатель, и Татьяна Христофоровна (урожд. Попова, ?–1910) – его жена, врач. Их дом на углу улиц Гоголя и Никитина снесен в 1996 г., несмотря на мемориальную доску
7. Болдырев Василий Ксенофонтович, начальник Алтайского горного округа.
8. Сулин Яков А. (около 1842–?) – бывший «землеволец», в 1866 г. сосланный в Томскую губернию, управляющий винокуренным делом.
9. Правильно: Недзвецкий А.Н.
10. Вероятно, имеется в виду Головачев Дмитрий Михайлович (1866–1914) – публицист, статистик.
11. Урожд. Баркова, сестра жены Ядринцева, воспитательница его детей. Фамилию обычно воспроизводят ошибочно как «Ржевская».
12. Ивановский Алексей Арсеньевич (1866–1934) – антрополог.

Статья представлена кафедрой русской и зарубежной литературы филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 25 февраля 1999 года.